

В тот день Цзян Шоуянь, как обычно, сидел на диване, приходя в себя после сна. На журнальном столике были разложены его лекарства, рыбий жир и так и не собранные до конца лего-розы.

Иногда, когда Цзян Шоуяню становилось скучно, он садился на диван и собирал эти розы. В коробке их было двенадцать, при хорошей скорости всё можно было закончить за один вечер. Но Цзян Шоуянь собирал не спеша, так что к настоящему моменту в красно-чёрной вазе стояло уже десять цветков, оставались лишь два последних.

Цзян Шоуянь перебрался с дивана на пол, собираясь воспользоваться утренней бодростью и закончить работу на одном дыхании. Но стоило его пальцам коснуться коробки, как он почувствовал, что в бедро что-то легонько ткнулось. Цзян Шоуянь скосил глаза вниз: щенок с поникшими ушками скрёб лапкой свою игрушку, оказавшуюся придавленной ногой Цзян Шоуяня. Сегодня это был маленький синий мячик для щенков, у которых режутся зубы. Заметив, что Цзян Шоуянь смотрит на него, малыш нетерпеливо взвизгнул и заработал лапкой с удвоенным усердием.

Цзян Шоуянь немного приподнял скрещённые по-турецки ноги и дотянулся до синего мячика. Щенок немедленно сел и уставился на него полным надежды взглядом, склоняя голову то в одну сторону, то в другую, отчего его ушки забавно свешивались. Цзян Шоуянь молча понаблюдал за ним пару мгновений, а затем катнул мяч в просвет под журнальным столиком. Малыш немедленно бросился вдогонку. Неуклюжие лапы скользили на гладком полу: чтобы сделать шаг, приходилось пару раз оттолкнуться.

Стоило Цзян Шоуяню взять со стола коробку с лего, как в бедро снова мягко ткнулись — мячик опять застрял у его ног. Цзян Шоуянь повернул голову: щенок, виляя хвостом, смотрел на него с глуповато-счастливым выражением на мордочке.

Когда Чэн Цзайе, закончив телефонный разговор, вернулся с балкона, Цзян Шоуянь сидел с опущенной головой в узком пространстве между диваном и журнальным столиком. Чем именно он занимался, видно не было, но на столе лежала распечатанная коробка.

— Собираешь лего? — спросил Чэн Цзайе, подходя, но на последних словах внезапно понизил голос. Обойдя журнальный столик, он увидел, что щенок уснул прямо на ногах Цзян Шоуяня. Тот, прикрыв веки, рассеянно поглаживал малыша по макушке.

Эта картина была настолько пронизана нежностью, что на мгновение у Чэн Цзайе предательски защипало в глазах. Он постарался ступать ещё тише, хотя и до этого его шаги были почти неслышными. Чэн Цзайе опустился рядом с Цзян Шоуянем, но из-за слишком длинных ног и неловкой позы случайно толкнул журнальный столик на пару сантиметров вперёд.

Цзян Шоуянь перевёл на него взгляд. Чэн Цзайе указал на спящего в его объятиях малыша и беззвучно, одними губами, спросил:

— Уснул?

Цзян Шоуянь кивнул и тихо ответил:

— Устал играть с мячиком.

Только тут Чэн Цзайе заметил, что Цзян Шоуянь всё ещё сжимает в руке тот самый синий мячик. Он протянул руку, аккуратно вытащил игрушку из ладони Цзян Шоуяня и сказал:

— Он же весь в слюнях.

Цзян Шоуянь усмехнулся. Из-за смешка он шевельнулся, и щенок, тихонько заскулив сквозь сон, поменял позу.

— Откуда ты его принёс? — спросил Цзян Шоуянь.

На душе Чэн Цзайе стало чуточку легче:

— Помнишь, когда мы возвращались в прошлый раз, я взял номер телефона у соседа? Я спросил его, нет ли в округе щенков, и он пообещал узнать. Позже он рассказал, что в одном доме родились щенки породы тусонг. Всего родилось четверо щенят: двоих они отдали, двоих оставили себе. Одного из них собирались отдать родственникам, но те в итоге отказались.

Чэн Цзайе повернул голову и посмотрел на щенка, который, похоже, видел какие-то очень вкусные сны, так как смешно причмокивал с закрытыми глазами.

— Вот так я его и забрал.

Цзян Шоуянь всё гладил щенка по макушке. Его шёрстка была такой мягкой, что, казалось, её можно гладить бесконечно.

— Сколько ему? На вид всего пара месяцев.

— Три месяца, — ответил Чэн Цзайе, накрывая руку Цзян Шоуяня своей. — Щенки растут очень быстро.

Цзян Шоуянь перевернул кисть ладонью вверх, их пальцы переплелись, и Чэн Цзайе крепко сжал его руку. Подушечки пальцев Цзян Шоуяня мягко погладили тыльную сторону ладони Чэн Цзайе. Глядя на спящего щенка, он вспомнил слова, которые услышал в коридоре в прошлый раз, — те, что Чэн Цзайе говорил этому малышу. «На самом деле он совсем не холодный. У него очень мягкое сердце, просто нужно постучаться в него подольше, и оно откроется».

Цзян Шоуянь прекрасно понимал, зачем Чэн Цзайе подарил ему щенка. И именно потому, что понимал, так не хотел принимать подарок. Сложно сказать, было это простое упрямство или страх утратить чувство контроля над собственной жизнью.

Он выживал в рамках выстроенной им самим зоны безопасности, но в глубине души до сих пор был задавлен собственной ничтожностью. Он не верил, что Чэн Цзайе будет рядомечно. Ведь любые отношения между людьми рано или поздно заканчиваются, не так ли? Точно так же, как у его отца, чьё лицо он уже не мог вспомнить, хотя когда-то отец и мать так сильно любили друг друга.

Ещё одной разлуки ему было не вынести. Он вкладывал все оставшиеся силы в любовь к этому последнему человеку в его жизни, Цзян Шоуяню было жизненно необходимо оставить себе путь к отступлению. Если он останется в полном одиночестве, то его ничто не будет держать в этом мире. Но если в его жизни появится ещё и щенок...

Дыхание Цзян Шоуяня стало тяжёлым. Он перевёл взгляд с переплетённых рук и спящего щенка на лицо Чэн Цзайе, заглядывая прямо ему в глаза. И у человека, и у собаки даже цвет глаз был удивительно похож.

— Что случилось? — Чэн Цзайе придвинулся ближе и нежно его поцеловал.

Цзян Шоуянь опустил ресницы, с трудом сглатывая подступивший к горлу горький ком, и медленно прислонился головой к плечу Чэн Цзайе, тот обнял его за плечи, а щенок в его объятиях тихонько поскуливал во сне. Между ними безмолвно струилась нежность, прорастая сквозь тихий утренний свет семенами храбрости и надежды.

— Давай дадим ему имя, — тихо произнёс Цзян Шоуянь.

Раньше, когда ещё не было уверенности, что малыш останется с ними, Чэн Цзайе никак его не называл. Но теперь, когда у щенка появилось имя, он начал целенаправленно тренировать его откликаться на зов с помощью собачьих лакомств. Но кто же знал, что даже после нескольких дней дрессировки и кучи съеденных вкусняшек этот мелкий прохвост так и не проявит никакой реакции.

— Пушок! Цо-цо, иди сюда. Иди ко мне.

Пушок просто уткнулся мордочкой в ладони Цзян Шоуяня, повернувшись к Чэн Цзайе своей пухлой, круглой попкой. Чэн Цзайе потряс зажатым в руке лакомством, щурясь и размышляя, на каком именно этапе дрессировки он допустил ошибку. Вдруг в его голове мелькнула догадка, и он пробным тоном позвал:

— Папа?

Пушок и вправду обернулся и гавкнул, словно отвечая: «Звали? Чё надо?». Чэн Цзайе потерял дар речи, а Цзян Шоуянь рассмеялся в голос:

— Так он всё это время думал, что его зовут Папа?

Возможно, снова распознав знакомое ключевое слово, Пушок вновь повернул голову и, виляя хвостом, пристально уставился на Цзян Шоуяня.

— Папа — это я, а не ты, — Чэн Цзайе подошёл поближе и поводил лакомством прямо перед носом щенка, дразня его так, что у мелкого потекли слюнки. Затем он сделал круговой жест рукой, указывая на себя и на Цзян Шоуяня.

— Вот кто папы, — затем ткнул пальцем прямо в собачий нос: — А ты — Пушок.

Щенок, конечно же, ничего не понял, распознав лишь слово «папа». Он отчаянно залаял, пытаясь выпросить вкусняшку из рук Чэн Цзайе. Но тот ему ничего не дал, прямо на глазах у малыша спрятав лакомство обратно в пакет. Пушок на секунду замер, а затем с рычанием набросился на руку Чэн Цзайе.

Цзян Шоуянь со смехом сказал:

— И зачем ты опускаешься до уровня собаки?

Чэн Цзайе ткнул щенка пальцем, опрокидывая его на спину и прижимая к дивану, и ответил шутливым тоном:

— Да он же захотел сам стать папой! Если не воспитывать его сейчас, скоро вообще нам на шею сядет.

Повозившись ещё немного и вконец устав, Пушок переполз через ноги Чэн Цзайе, нашёл свободное местечко между ним и Цзян Шоуянем, свернулся калачиком и уснул. Неизвестно, что ему снилось, но во сне он забавно подёргивался. Цзян Шоуянь мягким взглядом наблюдал за этим маленьким пушистым комочком.

Чэн Цзайе, опираясь локтем на спинку дивана, лениво наматывал прядь волос Цзян Шоуяня на палец.

— Через несколько дней у моей бабушки с маминой стороны день рождения. Восьмидесятилетний юбилей. Мои родители и остальные родственники возвращаются из-за границы.

Цзян Шоуянь слегка замер:

— Какого числа?

— Двадцать пятого, — ответил Чэн Цзайе. — Через пару дней после этого будет традиционный Новый год. Родственники говорят, что можно задержаться подольше и уехать уже после праздников. Наша семья почти круглый год живёт за границей, мы редко собираемся все вместе.

Цзян Шоуянь поднял глаза и посмотрел на него. И тогда Чэн Цзайе спросил:

— Цзян Шоуянь, не хочешь поехать со мной?

<http://bllate.org/book/14908/1725653>